

Игорь Владимирович Чекулай
Ольга Николаевна Прохорова
Белгородский государственный университет

Принципы функционально-деятельностного подхода при изучении оценочных структур

Ключевые слова: функционально-деятельностный подход, стадии деятельности, функциональные особенности сравнения, категориально-/промежуточные/кроссовые ценностные концептосферы

Key words: Functional and Activity Approach, the phases of activity, the functional features of comparison, the categorical/intermediate/cross value conceptual spheres

Summary

Functional and Activity Approach (FAA) is a new complex of investigational procedures to define the essence of the mental processes resulting in the evaluative utterances and text of human speech. The essence of the FAA consists in intertwining the main four phases of any process or a complex of processes which may be described in the terms of the category ACTIVITY (stimulus – means – algorithm – achievement) with the main functional characteristic features of comparison as the main operation of cognition.

В исследованиях оценки и ценности в философии, психологии и лингвистике давно витает идея, которую Н.Д. Арутюнова формулирует следующим образом:

Будучи верифицированным, смысл высказывания порывает с автором речи и приобретает автономность; мнение становится знанием (фактом)... Оценка, напротив, связана с жизнедеятельностью человека. Это хорошо показывают данные сравнительной оценки, на базе которой сформировался особый синтаксический тип – предложения

операционального предпочтения. Жизнь на этом участке вторглась в грамматические парадигмы и перестроила сложившиеся в них отношения. Однако оценка не погружена полностью в поток происходящего. Ее роль состоит в том, чтобы соотнести предметы и события с идеализированной, т.е. нормативной, картиной мира. Ее пафос заключен в отделении нормы от аномалий [Арутюнова 1988: 8].

Данный тезис наводит на следующие размышления. В основе оценки как отражения взаимоотношений между мыслящим субъектом и мыслящими или не мыслящими объектами действительности лежит жизнедеятельность субъекта. Этот субъект руководствуется обычно определенными (или довольно часто не совсем определенными) мотивами, в связи с этими мотивами ставит перед собой определенные задачи, планирует выполнение деятельности в целом или определенных действий как этапов в пределах более обширной деятельности. В ходе деятельности он сталкивается с различными лицами, существами, предметами, явлениями и т.д., которые можно объединить понятием объекта деятельности. Часть этих объектов субъект может использовать в рамках определенной деятельности в качестве инструмента или средства для выполнения стоящих перед ним задач. К другим объектам (лицам) субъект может апеллировать в связи с общей ситуацией коммуникации, где, собственно говоря, и решается основная задача использования языковых и речевых средств. Не исключено, что лицо, упоминаемое в ходе коммуникации, непосредственно в ситуации общения участия не принимает, но по ходу предыдущих этапов жизнедеятельности это лицо известно как адресанту, так и адресату сообщения. Является возможным также присутствие в ситуации общения других лиц, и апелляция субъекта высказывания рассчитана не только непосредственно на адресата сообщения, но и на этих лиц. В лингвистической прагматике все эти факторы давно исследованы и не вызывают каких-либо дополнительных интерпретаций. Именно по той причине, что оценочное сообщение всегда рассчитано на иллюкутивный эффект, оценочное значение зачастую идентифицируется как прагматическое значение. Но при этом обращает на себя внимание тот факт, что, какими бы различными ни были условия коммуникации по составу и роли коммуникантов, оценочные средства сохраняются в более или менее одинаковой форме экспликации. Так, словосочетание «хорошая книга» в устах определенного субъекта высказывания будет означать книгу, которую интересно читать *субъекту* независимо от того, что думают об этой книге другие участники речевого акта. Производя оценочное высказывание, субъект как бы навязывает свои взгляды, убеждения, волю, чувства, симпатии и антипатии аудитории независимо от ее количественного состава. Это показывает, что оценочное значение находится ни в плоскости прагматики и речевых актов, ни в плоскости денотативной номинации, оно находится между ними и тесно связано с каждым из них.

Конечно, полностью развести оценочное и прагматическое значение невозможно. Мы не случайно делаем оговорку, что оценочное высказывание не зависит от количественного состава аудитории, поскольку оно напрямую

зависит от ее качественного состава. В частности, там, где для характеристики какого-либо человека, его поведения или ситуации мы употребляем прилагательное *глупый*, учитывая специфику аудитории, то для аудитории другого рода мы используем прилагательное *неадекватный* в силу его более высокой этической или политической корректности при всех прочих тождественных объективных показателях (например, речь идет об одном и том же референте, при одинаковой пресуппозиции знаний о нем и тп., даже при тождественной структуре и компонентном составе оценочного высказывания, при варьируемых оценочных адъективных синонимах).

В связи с данными отношениями возникает соблазн связать общеструктурные характеристики языковой оценки непосредственно с объектом оценки или коммуникативными ролями участников речевого акта. При этом следует учитывать, что, размежевывая цели и задачи, понятия субъекта и объекта оценки, нацеленность на определенный результат и тд., нельзя упускать из виду, что выбор синонимов типа *глупый* и *неадекватный* обусловлен не только ролевым статусом коммуникантов, но и спецификой целей, которые ставит перед собой субъект оценочного высказывания. Выше мы затронули проблему функциональной вариативности объекта оценки. Как нетрудно заметить, она тесно связана с рассмотренной в данной связи целью оценочного сообщения с участниками данной коммуникативной ситуации. Несомненно, применение объекта реальности для достижения различных определенных результатов и использование дискретных единиц языка для достижения столь же различных и не менее определенных иллюкутивных эффектов – это явления разного порядка. Однако их объединяет то общее отношение, что они являются комплексом средств решения определенной цели в рамках определенной деятельности, нацеленной на достижение определенного результата.

При всей сложности и противоречивости понимания деятельности в психологии деятельность субъекта по познанию и квалификации явлений действительности, а также действий и поступков других лиц, концепцию ментального отражения категории «деятельность» можно свести к нескольким основным параметрам.

Субъект предпринимает определенные действия лишь при наличии личной необходимости или желательности таких действий. Как подчеркивалось выше, его поступки могут быть мотивированы или не мотивированы (если под мотивом понимать *осознанный* стимул к совершению деятельности), они могут быть продиктованы потребностью в определенном действии или же у субъекта деятельности имеется какой-то выбор. Эти действия могут вызывать благоприятные или неблагоприятные для субъекта деятельности соматические эффекты или эмоции, они могут совершаться в результате волевых усилий субъекта или без участия его воли. С позиций общей теории познания ценностей это не столь важно [Берлин 2000: 51]. Важно то, что субъект предпринимает определенный род деятельности, исходя из своих или навязанных ему извне *стимулов*. Это в определенной мере относится и к целям, поскольку цель деятельности также

может быть осознанной или неосознанной. Тем самым стимул становится организующей деятельностью категории. О стимуле как семантической категории говорит и Дж. Тейлор [Taylor 2000: 247–249].

При сформировавшемся стимуле как латентной форме деятельности начинается этап эксплицитной стадии деятельности. На этой стадии субъект определяет свои индивидуальные возможности или способности к ее выполнению, а также определяет, какие средства будут применяться при ее выполнении. Но, в конечном счете, данная стадия сводится к *средствам* выполнения деятельности. Предположим, что субъект, соотнеся свои возможности с характером деятельности в его интересах и не найдя первые адекватными ко вторым, обращается к другому субъекту, в возможностях которого эту деятельность совершить. Таким образом, этот второй субъект может интерпретироваться также как средство к выполнению деятельности в интересах первого субъекта.

Далее следует также эксплицитная стадия *алгоритма* деятельности. Это, так сказать, с точки зрения ее языкового и речевого выражения «глагольно-адвербиальная» фаза деятельности, поскольку в основе лежит сама процедура действия и ее технические характеристики. Продемонстрировать различия данной стадии и предыдущей можно следующими примерами. Так, в высказывании *Для этой работы нужна дрель* характеризуется средство к выполнению деятельности, а в высказывании *Ты держишь дрель неправильно* осуществляется четко выраженная оценочная характеристика адекватного выполнения определенного действия в составе некой деятельности, поскольку способ хвата инструмента не является единственным звеном в ней.

Общий процесс деятельности завершается стадией *достижения*. Это, несомненно, важнейшая фаза деятельности, поскольку и стимулы, и средства, и технология деятельности направлены на ее достижение. Известное циничное изречение Игнатия Лойолы «Цель оправдывает средства» страдает отсутствием логической базы, поскольку средства оправдываются скорее достигнутым результатом. Именно достижение как окончание деятельности показывает, насколько правильно была выбрана цель деятельности, насколько эффективно были выбраны средства к ее выполнению и насколько эффективно они были использованы как часть определенного алгоритма действий.

Интересно отметить, что данная схема базовых оценочных категорий как нельзя эффективно подходит для описания самой оценки как феномена сознания и языка. Само оценочное суждение или умозаключение, а на их основе оценочное высказывание или оценочный дискурс соположены с понятиями стимула, средств, алгоритма и достижения реализации данных единиц в процессе семиозиса.

Завершая анализ методологического уровня ценностной категоризации, хотелось бы отметить, что от самой деятельности как дискретного кванта такой категоризации неотделима движущая сила самого процесса деятельности – ее субъект. При этом субъект понимается не только как мыслящий

индивид, способный к выполнению определенных действий или их ценностной и оценочной квалификации. Субъектом деятельности в обыденном понимании могут быть и стихийные силы. Конечно, при научном подходе к понятию субъекта следует разграничивать собственно субъект деятельности как мыслящего ее исполнителя, и те внешние обстоятельства, которые создают потребности, мотивы, предпосылки к определенной деятельности. Можно также утверждать, что ситуация стоит и над субъектом, и над деятельностью, поскольку именно она диктует интересы, средства, алгоритмы и результаты выполнения деятельности. Таким образом, ситуация является категорией объединяющей субъект деятельности и саму деятельность.

Таким образом, в функциональном подходе к изучению оценки следует учитывать следующие важные моменты, определяющие как структуру частного приложения функционального подхода к изучению оценки, так и те стороны такого подхода, которые позволяют выделить основные категории, задающие характеристики оценки как феномена мышления и языка:

Поскольку оценка представляет собой квалификацию фактов действительности и мышления с определенных позиций как личностного, так и объективного (основания оценки) планов в рамках определенной деятельности, то очевидно, что функциональная семантика оценки должна изучаться именно с деятельностных позиций. Поэтому представляется обоснованным функционально-деятельностный подход к изучению языковой оценки и принципов оценочной категоризации.

Деятельностный подход к изучению психических процессов и явлений получил достаточно широкое распространение и развитие в рамках отечественной психологической науки. Тем не менее, компонентный состав деятельности как категории мышления так и не получил однозначной трактовки. С другой стороны, в рамках логико-философских и лингвоаксиологических исследований были выработаны достаточно четкие категории, которыми характеризуются оценочные языковые суждения. Это такие категории, или, по мнению М.В. Никитина, существенные компоненты оценочной категоризации, как субъект, объект, основание, норматив, модус и релятор оценки [Никитин 2003]. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации позволяет соединить достижения психологии в исследовании деятельности как основы психической, и, следовательно, мыслительной деятельности с логическим аппаратом исследования концептов с их последующей экспликацией в форме языковых и речевых знаков. Таким образом, опыт деятельностного ума по структурированию ценностных и оценочных отношений получает достаточно релевантное научное обоснование.

Нельзя забывать, что человек является обладателем не только рационального мышления. Именно то, что человек в определенных ситуациях способен быть, с одной стороны, эмоциональным, а с другой стороны, волевым, и делает его собственно *человеком*, социальной личностью в единстве ее положительных и отрицательных сторон, а не рационалистическим механизмом. Психология

деятельности рассматривает личность в единстве всех ее проявлений, в единстве рациональных и иррациональных мотивов совершения своих поступков. Тем самым не только логика обогащает психологию, но идет и обратный процесс обогащения психологии логическим структурированием даже алогичных действий. На этих основаниях функционально-деятельностный подход к изучению оценочной категоризации представляется наиболее перспективным, поскольку он представляет собой синтез единства противоположности рационального и иррационального в личности как деятельностном, творческом, мыслящем и в то же время имеющем чувства организме.

Учитывая, что деятельность отражается и в относительной статике мышления, и в динамике ситуативного развития, эта сложная категория едва ли может быть объяснена в терминах одного уровня ее рубрикации как составной части эмпирических знаний человека. Следовательно, категоризация ценности имеет достаточно сложную иерархию, поскольку дискретность ценности, ценностного и оценочного отношений и, наконец, собственно оценки как конечного результата нельзя объяснить, если общий континуум ценностно-оценочной квалификации действительности представить как монолитную структуру знаний, не имеющей за собой стратификационных оснований. Поэтому безусловно важным является выведение уровней оценочной категоризации лексических средств английского языка, служащих выражению ценностных и оценочных отношений.

Понятие «уровень категоризации» является одним из основных в когнитивной науке на современном уровне ее развития. В основу представлений о категориях и категоризации положена концепция Дж. Лакоффа об иерархической структуре уровней категоризации. При этом он отмечает следующее: «...базовые с когнитивной точки зрения категории находятся „в середине“ иерархии общего – конкретного. Генерализация происходит по направлению „вверх“ от базового уровня, а специализация – „вниз“» [Лакофф 2004: 29].

В своей разработке принципиальных основ оценочной категоризации Н.Н. Болдырев полагает, что оценочная категоризация как система не обладает той самостоятельностью, какой обладает предметная категоризация и особым образом накладывается на категории естественных объектов, создавая дополнительные переходные зоны между ними, и тем самым обеспечивая континуальность категориального пространства [Болдырев 2002: 107].

Создаваемые при этом классы и категории не отвечают требованиям однородности, поскольку... они объединяют объекты не по их физическим свойствам, а по их воздействию на человека, по степени их соответствия его собственной шкале ценностей и существующим стандартам, то есть, вероятнее всего, обнаруживают в своей организации принцип «семейного сходства» [Болдырев 2002: 107–108].

Соотнося первую точку зрения как обобщающую, а вторую – как конкретизирующую проявление общей иерархии системы категоризации применительно к сфере ценности и оценки, можно предположить, что система

оценочных категорий имеет производный от системы предметной (или по терминологии Н.Н. Болдырева, «естественной категоризации») характер и является своего рода дополнением к данной системе. В какой-то мере эта точка зрения перекликается с концепцией З.Д. Поповой и И.А. Стернина, в которой предлагается следующая общая структура концепта:

в ядре – прототипическая единица УПК (она может быть как общенародной, так и групповой и индивидуальной); базовые слои, обволакивающие ядро, в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным; интерпретационное поле концепта, содержащее оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием [Попова, Стернин 2002: 64].

Тем самым оценке в целом и оценочным категориям в частности отводится роль неких интерпретаций предметного содержания действительности.

Принимая основную функцию оценочных средств языка как интерпретацию содержания действительности в целом, хотелось бы отметить, что понимание оценочной ауры смысла как интерпретационного поля вступает в противоречие с фактом объективного существования в языке специальных номинаций ценностных и оценочных отношений. При интерпретирующем характере оценки гораздо проще было бы пользоваться системой конвенциональных метафор для того, чтобы передать отношения ценности и оценки.

Представляется, что средством к разрешению проблемы структурирования отдельных ценностных концептов и системы концептуализации ценностей является функционально-деятельностный подход к изучению ценностных концептов и оценочной категоризации. Суть данного подхода к системе концептуальной организации языкового тезауруса такова. В своей индивидуальной жизнедеятельности в целом и при прохождении определенных этапов в ее пределах индивид сознательно или подсознательно ориентируется на опыт предшествующих поколений и своих современников, уже испытавших подобный опыт, а также на свои индивидуальные эмпирические впечатления. Свои индивидуальные успехи и неудачи, положительные и отрицательные эмоции, благоприятные и неблагоприятные впечатления он соотносит с некими концептами, существующими в общественном сознании, отражающихся в системе языка и организующими данную систему результатов, ощущений и впечатлений как приемлемых или неприемлемых для себя. Таким образом, следует предположить обязательное наличие в языке концептов ценностного плана, независимых от индивидуальной эмпирики субъекта. Именно эти концепты и составляют базовый уровень оценочной языковой категоризации.

Выведение общих характеристик отражения базового уровня оценочной категоризации в форме лексических единиц языка еще не решает принципиальную задачу определения того, какие именно единицы репрезентируют аксиологические категории на этом уровне и насколько одноуровневой такая репрезентация является. Именно здесь, на наш взгляд, проявляется эффективность функционально-деятельностного подхода к изучению ценностной категоризации.

Конкретика данного подхода состоит в следующем. Известная истина, уже не ассоциируемая с кем-либо из мыслителей прошлых веков, гласит: «Все познается в сравнении». Несмотря на некоторую гиперболизацию роли сравнения в процессе познания мира, в целом следует признать, что сравнение лежит, по крайней мере, в основе такого познания.

На первый взгляд, механизм сравнения достаточно прост. Он совпадает в целом с процессом приобретения опыта. Сталкиваясь с отдельными феноменами реальности, человек находит их общие и дифференциальные признаки, соединяет различные явления в эмпирические парадигмы и тем самым разносит сведения об этих явлениях по разным рубрикам сознания с последующим закреплением их в памяти. Но это лишь наиболее общая схема познания, в то время как оно имеет различные особенности, что во многом зависит от алгоритма познания.

Статус сравнения как основной операции аксиологического познания позволяет определить его как функциональную основу формирования ценностных концептов и оценочных суждений в противовес его онтологической основе – деятельности.

Как и деятельность, сравнение неоднородно, но, в отличие от деятельности, основные стадии которой дифференцируются, в первую очередь, по временному принципу, сравнение имеет разновидности, которые нельзя назвать синхронными, поскольку сравнение лежит вне временной плоскости. Именно в его несубординативности онтологическим категориям времени и пространства и состоит его категориальная основа.

В то же время сравнение является свойством только высокоразвитого мышления, способного от общего созерцания перейти к абстрактному мышлению. Поскольку в масштабах имеющегося у человечества знания таким условиям удовлетворяет только человек, то можно сказать, что первой важнейшей характеристикой сравнения является его антропоцентризм. Антропоцентризм сравнения имеет два основных параметра с точки зрения теории информации. Во-первых, сравнение происходит в сознании человека. Он формирует его и направляет по адресу с определенной целью, ставя перед собой определенные цели. Тем самым адресантом сравнения может быть только человек. Во-вторых, сравнение нацелено на другого человека или коллектив, являющихся адресатом/-ами сравнения.

Применительно к процессу формирования ценностного опыта сравнение многопланово по следующим параметрам:

1. Как уже было обосновано, сравнение как операция мышления в своей основе антропоцентрично. Но сравнение может устояться в общественном сознании (что происходит, например, при образовании фразеологических единиц на основе сравнительных синтаксических конструкций, например, конструкции *as Adj as N* в английском языке) лишь в результате его многократного употребления, многократного функционирования, а рождается оно в одном отдельно взятом сознании. Как подчеркивает С.О. Карцевский,

В основе сравнения почти всегда лежит субъективная оценка [разрядка автора. – И.Ч.], и как раз потому, что к этому примешивается эмоциональность, существуют совершенно различные способы выражения сравнения [Карцевский 2000: 86].

В ходе такой операции субъект соотносит себя с окружающим миром и другими людьми. Тем самым одной из важнейших характеристик сравнения является дихотомия «Я/Ego vs другие». Несомненно, второе лицо (категория «Ты») является важным компонентом коммуникации, но он реален лишь при непосредственном наличии адресата сообщения (учитывая такую функционально-стилистическую категорию, как «Установка на читателя», при которой непосредственный контакт адресанта и адресата информации не обязателен), а, скажем, во внутренней речи эта категория отсутствует. В то же время противопоставление «Я» «Другому» дает субъекту оценки обширные возможности ее варьирования. Как подчеркивает А.В. Кравченко,

Класс объектов, образующих третью категорию [«Я» против «ВСЕГО ОСТАЛЬНОГО» – И.Ч.], представляет собой открытое, потенциально бесконечное предметное множество [Кравченко 2004: 156].

2. Являясь операцией мышления, сравнение служит выполнению определенных целей. Тем самым сравнение носит инструментальный характер. Сравнение является средством, а не целью. Оно необходимо либо для учебных целей, либо для прочих целей демонстрации какого-то явления (например, проведение аналогии между двумя явлениями, которые связаны общей реальной или типовой ситуацией), либо для создания образной экспрессии (в речевых актах, как стилистическое средство) и тп. Это означает, что операции сравнения подлежат вещи одного порядка (например, связанные общим родовым показателем в системе некоей иерархии, либо же это однородные или вызывающие сходные ассоциации действия людей, существ или сил природы, или же одинаковые по какому-либо параметру явления действительности). Собственно говоря, инструментальная характеристика сравнения является общекогнитивной, свойственной не только ценностной категоризации и оценочному функционированию.

3. Материал для сравнения не появляется сам по себе, а берется либо из прошедшего социального или индивидуального опыта. При этом сравнение ориентировано на какой-то факт действительности, потому что необходимость экспликации материала сравнения языковыми средствами должно быть в общем тезаурусе как адресанта, так и адресата сообщения. Это возможно лишь при условии, что оба главных участника акта передачи информационного сообщения имеют понятие о тех вещах, которые представлены как средства передачи сравнения, а это, в свою очередь, возможно лишь при условии существования этих вещей в объективной или объективизированной/виртуальной реальности. Под объективизированной или виртуальной реальностью в рамках данного исследования мы понимаем созданный воображением или фантазией творческого субъекта возможный мир [Гудмен 2002], совпадающий

с наиболее общими законами объективной реальности или, по крайней мере, не противоречащий его восприятию людьми, отличными от субъекта создания виртуального мира, как возможно реально происходящих, происходивших или будущих событий. Таким образом, сравнение обязательно или объективно, или объективировано.

4. Говоря о том, что сравнение функционально, не следует забывать о том, что функция является совокупностью поставленных целей и их реализации [Мороховский и др. 1991: 8]. Поэтому и сравнение рассчитано не только на постановку субъектом какой-то цели от его использования, но и достижения определенного эффекта от его использования. При построении высказывания со сравнением говорящий уже прогнозирует эффект от данного высказывания, характер дальнейшего общения с адресатом в его логико-семантической основе. Таким образом, сравнение прогностично. Фиксируя окончание одной деятельности, субъект мышления уже намечает перспективы развития другого, смежного с данным, или каузируемого им кванта действия или деятельности.

В результате рассмотренных особенностей сравнения как операции деятельности мышления можно сформулировать следующие характерные особенности сравнения:

- его индивидуальность в плане порождения, т.е. сравнение – это всегда плод индивидуального сознания, а в коллективный узус оно входит после его предъявления данным индивидом в знаковой форме;
- инструментальный характер сравнения;
- объективированность;
- прогностичность.

Данные онтологические свойства сравнения как мыслительной операции определяют и его функциональные характеристики, особенно проявляющиеся при формировании оценочных высказываний. В частности, индивидуализм сравнения предполагает, что в сознании субъекта оценочного высказывания существует своего рода компаративный дуализм, который можно представить в виде вопроса «Что думаю я, и что думают другие об этом факте действительности или сознания?». Но такой вопрос на практике ставится индивидом в крайне редких случаях. Обычно, и особенно при формировании оценочного суждения, мы полагаемся на собственное сознание с его индивидуальным опытом, со своей особой историей развития, со своими убеждениями, пред-рассудками, симпатиями и антипатиями. Как замечает Н.Д. Арутюнова,

объекты мнений и утверждений не утрачивают связи с «хозяином» (говорящим). Объекты же знаний не имеют владельцев – факт быстро эмансипируется от того, кто его установил [Арутюнова 1988: 152].

Такое функциональное свойство аксиологического сравнения можно назвать «соотношение Я с миром».

Инструментализм сравнения в оценочном суждении выражается в том, что индивид ищет соответствующие средства для реализации действия или

деятельности. Но при этом он не берет первую попавшуюся под руку вещь или первое пришедшее на ум слово. Он соотносит характеристики средства с целью, алгоритмом и прогнозируемым результатом, выявляет степень адекватности средств прочим параметрам деятельности. Для этого он ищет в сознании эквивалент средства, которое необходимо для решения поставленных задач.

Понятие эквивалентности, несомненно, шире, нежели функциональная замена одних вещей другими. Именно поиск эквивалента как разновидность сравнения тесно связана с такой важной категорией оценки в сознании и в языке, как норматив, который представляет собой отдельный пункт настоящего исследования.

В какой-то мере эквивалентности сравнения соответствует и следующая разновидность этой операции сознания, играющая одну из ключевых ролей в формировании ценностных категорий и оценочных высказываний. Она вытекает из объективированности сравнения, при котором цели, средства и результат рассматриваются как адекватные возможному состоянию вещей вне оценочного высказывания. Субъект оценки ориентируется не только на норматив средств, но и на норматив алгоритма, на необходимость соответствия последовательности действий в пределах данной деятельности какому-то установленному законами природы, общества и познания порядку.

По справедливому утверждению Н.Д. Арутюновой, «оценка производится не в рамках естественного класса, а в рамках потребительского класса» [Арутюнова 1988: 55]. Нельзя отождествлять оценочную констатацию с констатацией факта реальности. Но в то же время нельзя не учесть и следующее ее замечание: «Оценочное значение обусловлено фактическими свойствами предмета в той мере, в какой оно ими мотивируется» [Арутюнова 1988: 57]. Оценка – это уже выход в виртуальный мир, но этот выход осуществляется, поскольку автор оценочного суждения отталкивается от реальности. Поэтому в изложении своих взглядов на проблему в форме оценочных высказываний он ориентируется на реальность, он апеллирует к реальности, он подает свое мнение как объективную истину. Поэтому по своим функциональным характеристикам оценка и оценочное сравнение ориентированы на соответствие оценочного суждения и актуализируемого на его основе оценочного высказывания истине.

Наконец, прогностичность как свойство сравнения находит следующее выражение в его функциональных характеристиках в сфере ценности и оценки. Субъект оценки видит определенное положение дел, находящихся в сфере его интересов, независимо от того, реализуются ли они согласно его личным предпочтениям или нет. Исходя из анализа текущей ситуации, он заранее прогнозирует возможные стратегии комплекса поведенческих действий, в том числе и речевых. Имея определенный опыт, даже в новой для себя ситуации субъект может более или менее точно прогнозировать последствия своих актуальных действий и принимать на этих основаниях определенное

решение. Поэтому важной функциональной чертой оценочного сравнения является поиск решений.

Как и категориальные ценностные концепты, функционально-оценочные свойства оценочного сравнения связаны между собой отношениями взаимозависимости и взаимообусловленности. Его предполагает поиск адекватных или эквивалентных средств для решения поставленных задач, Его квалифицирует свои действия как единственно правильные, Его стремится завершить определенную (в том числе и оценочную речевую) деятельность так, чтобы получить наиболее оптимальную для себя перспективу. Эквивалентность выбора средств обусловлена устремлениями субъекта оценочного сравнения, она предполагает определенный, учитывающий реальные условия порядок действий и достижение оптимального результата. Соответствие оценочного высказывания истине подается его субъектом как таковое; едва ли можно считать нормативным с точки зрения здравого смысла такое высказывание: «N, безусловно, человек хороший, но я считаю, что он подлец». Соответствие истине также ориентировано на *реальные* результаты, которые субъект оценки ожидает. Наконец, поиск решений заложен с самого начала оценочно-мыслительной и оценочно-речевой деятельности индивида – субъекта оценки.

Собственно говоря, в данных выкладках о том, что четыре объективные стадии осуществления какой-либо деятельности, связанной с оценочной квалификацией, (*стимул – средства – алгоритм – достижение*) накладываются на четыре основные функции сравнения как основного ментально-логического механизма порождения ценностей, а на этой основе – вынесения речевых оценочных вердиктов (*индивидуальность – инструментализм – объективированность – прогностичность*), и состоит методологическая сущность функционально-деятельностного подхода к изучению языковой оценки. Из данного пересечения складываются 4 категориально-ценностных концептосферы (далее КЦК) ИНТЕРЕС – СРЕДСТВА – ПОРЯДОК – РЕЗУЛЬТАТ. Эти сферы, естественно, не носят абсолютный характер, они взаимодействуют между собой, и в результате их взаимодействия можно выделить следующие промежуточные (между сферами ИНТЕРЕС и СРЕДСТВА – промежуточная концептосфера ВАЖНОСТЬ, и затем, соответственно между последующими КЦК, СООТВЕТСТВИЕ – ЭФФЕКТ – РАЗВИТИЕ), и, кроме того, дополнительные (или кроссовые) пересечения на основе взаимодействия КЦК, образующие кроссовые концептосферы (между КЦК ИНТЕРЕС и СРЕДСТВА – ПРИОРИТЕТ и ОСОБЕННОСТЬ, и далее – ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ НОРМА и НОРМА ПРОТОТИПОВ, СТАБИЛЬНОСТЬ и ОБЫЧНОСТЬ, ПОЛЕЗНОСТЬ и ПЕРСПЕКТИВА). Данные ценностные концептосферы отражают *ценностное отношение* к различным конкретным и абстрактным концептам, которые сами по себе являются *ценностями* для отдельных индивидов и для языкового социума, поскольку мы говорим об этих предметах и явлениях, «живём» в них: пользуемся ними, радуемся или страдаем от них и тп. Переводя данные ценности и ценностное отношение к ним в стадию ситуативного

семиозиса, мы тем самым создаём *оценочные отношения*. На этой стадии формируются основные прагматические параметры речевых актов, носящих квалификативно-ценностное содержание, происходит селекция лексических, просодических, синтаксических и прочих средств оформления высказывания. Наконец, готовое высказывание является собственно *оценкой* как результат, т.е. достижение, переосмысления ценности в ценностном и оценочном отношениях. Более подробно данная концепция изложена в [Чекулай 2006: 110–162].

Нетрудно заметить пропорциональность цепочек основных категориальных стадий деятельности (*стимул – средства – алгоритм – результат*) и развития структур знания в оценочные языковые высказывания (*ценность – ценностное отношение – оценочное отношение – оценка*). Ценность при потребности или необходимости пользоваться нею стимулирует обращение к средствам квалификации, представляющим ценностное отношение. Порядок организации различных языковых средств в речевые акты и структуры в оценочном отношении фактически представляет алгоритм порождения высказывания, а готовое оценочное высказывание есть результат данной комплексной деятельности.

Таким образом, в концепции функционально-деятельностного подхода к ценностной категоризации фактов и явлений действительности и сознания и последующей квалификативно-оценочной реализации ситуативной интерпретации данных ценностей и ценностных отношений с последующей реализацией представлений о них в виде конкретных речевых оценочных произведений решается ряд задач, стоящих перед современной лингвистической наукой. Основной из них, несомненно, является описание ментальной базы порождения оценочных высказываний. Принципы формирования речевых оценочных структур к настоящему моменту исследованы достаточно детально, а ментальные основы их формирования только начинают получать более или менее адекватное лингвистическое описание.

Как представляется, функционально-деятельностный подход может являться методологической процедурой к описанию не только взаимодействия ментальной ценности с речевой оценкой, но и других важных фактов взаимодействия механизмов порождения структур знания с механизмами формирования речевых высказываний и текстов. Так, в частности, представляется перспективным исследование актуализации явных и скрытых смыслов художественных и публицистических текстов именно на основе разработки структуры деятельности с позиций её основных четырёх стадий, при этом разграничивая по функциям определённую деятельность как *объект описания* (семантический аспект), так и сам текст как особый вид деятельности (синтаксический аспект). В сочетании с исследованием прагматических факторов порождения текста подобное исследование могло бы выявить фундаментальные параметры текста как знаковой единицы.

Литература

- Taylor J.R., 2000, *Possessives in English: An Exploration in Cognitive Grammar*, Oxford: Oxford University Press.
- Арутюнова Н.Д., 1988, *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*, Москва: Наука.
- Берлин И., 2000, Стремление к идеалу, *Вопросы философии*, № 5, с. 51–62.
- Болдырев Н.Н., 2002, Структура и принципы формирования оценочных категорий [в:] *С любовью к языку: сб. науч. труд. Посвящается Е.С. Кубряковой*, Москва–Воронеж: Воронежский государственный университет, с. 103–114.
- Гудмен Н., 2002, *Семантика возможных миров*, Москва: Логос.
- Карцевский С.О., 2000, Сравнение [в:] *Из лингвистического наследия, сост., вступ. ст. и коммент. И.И. Фужерон*, Москва: Языки русской культуры, с. 86–93.
- Кравченко А.В., 2004, *Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации*, Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета.
- Лакофф Дж., 2004, *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят о мышлении*, пер. с англ. И.Б. Шагуновского, Москва: Языки славянской культуры.
- Мороховский А.Н. и др., 1991, *Стилистика английского языка: Учебник*, Киев: Вища школа.
- Никитин М.В., 2003, *Основания когнитивной семантики: Учебное пособие*, Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
- Попова З.Д., Стернин И.А., 2002, *Очерки по когнитивной лингвистике*, Воронеж: Истоки.
- Чекулай И.В., 2006, *Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке*, Белгород: Издательство Белгородского государственного университета.